

I

Дениза и двое ее братьев шли пешком с вокзала Сен-Лазар, куда шербурский поезд доставил их после бессонной ночи, проведенной на жесткой скамье вагона третьего класса. Девушка вела за руку Пепе, Жан шагал следом, и все трое, измученные путешествием, оробевшие и потерянные, брели через огромный Париж, задирая головы, разглядывая дома и на каждой перекрестке спрашивая улицу Мишодьер, где проживал их дядя Бодю. Однако, выйдя наконец на площадь Гайон, Дениза в изумлении остановилась.

— Ой, ты только посмотри, Жан! — воскликнула она.

Они буквально остолбенели, прижавшись друг к другу. Все трое носили старую черную одежду, оставшуюся от траура по их отцу. Девушка, слишком худенькая для своих двадцати лет, выглядела жалкой и невзрачной; в одной руке она несла небольшой узелок с пожитками, за другую держался ее младший пятилетний брат; старший — пригожий, цветущий шестнадцатилетний паренек — стоял позади; у него не было никакой поклажи.

— Ничего себе! — помолчав, прошептала Дениза. — Вот это магазин!

Здание на углу улиц Мишодьер и Нёв-Сент-Огюстен занимал магазин новомодных товаров, его яркие витрины сразу бросались в глаза в мягком, бледном свете октябрьского дня. Часы на колокольне церкви Святого

Роха отзвонили восемь раз; по тротуарам утреннего Парижа пока сновали только служащие, торопившиеся в свои конторы, и женщины, вышедшие в лавки за провизией. Перед дверью магазина двое продавцов, взобравшись на раздвижную стремянку, уже заканчивали развешивать шерстяные изделия; тем временем в витрине со стороны улицы Нёв-Сент-Огюстен еще один приказчик, стоя на коленях спиной к улице, старательно драпировал отрез голубого шелка. В магазин еще не впускали покупателей, да и не все служащие были на месте, однако внутри уже стоял гул, как в растревоженном пчелином улье.

— Черт возьми, куда там нашей Валони!¹ — воскликнул Жан. — Твой тамошний магазин был совсем не такой шикарный!

Дениза кивнула. Она проработала два года в магазине у Корная, первого торговца модными товарами в городе; и вид парижского магазина, внезапно возникшего перед ними, непомерно огромного в глазах этой хрупкой девушки, переполнял волнением ее сердце, притягивал, зачаровывал так, что она забыла обо всем на свете. Весь срезанный угол здания, смотревший на площадь Гайон, занимала высоченная, до второго этажа, дверь — сплошь стеклянная и щедро украшенная затейливым орнаментом с позолоченными завитушками. Две аллегорические лепные фигуры — смеющиеся полуобнаженные женщины — держали вывеску магазина: «Дамское Счастье». А дальше, вдоль улиц Мишодьер и Нёв-Сент-Огюстен, тянулись его витрины, целый ряд витрин; кроме углового здания, они украшали еще четыре дома, два слева и два справа, по всей видимости совсем недавно купленные и присоединенные к магазину. Эта нескончаемая чере-

¹ *Валонь* — центральный город французского кантона Манш, в описываемое время был небольшим провинциальным городком (6350 жителей). — *Здесь и далее примеч. перев.*

да прозрачных стекол на первом и втором этажах казалась девушке бесконечной; за ними было видно все, что происходило внутри, в торговых залах. Вон там, наверху, молодая продавщица, одетая в шелковое платье, чинила карандаш. А две другие, рядом с ней, раскладывали на прилавке бархатные манто.

— «Дамское Счастье»! — прочел Жан, со своим нежным смешком юного красавчика, который уже мог похвастаться любовными похождениями в Валони. — Ничего не скажешь, звучит заманчиво; небось дамы сюда слетаются как мухи на мед!

Дениза не ответила: она зачарованно смотрела на прилавки у входной двери магазина. Там, прямо на улице, на тротуаре, раскинулась целая выставка дешевых вещей, соблазнительных своей доступностью, — женщины могли покупать их прямо на ходу. Сверху свисали ткани — шерсть, сукно и меринос, шевииот и мольтон; они ниспадали пышными складками, развевались на ветру, как знамена; на неярких полотнищах — темно-серых, зеленовато-синих, оливково-зеленых — были явственно видны белые этикетки. Рядом, обрамляя двери, висели также узкие полосы меха и прочих материалов, предназначенных для отделки платьев и манто, — пепельно-серые беличьи спинки, белоснежный лебяжий пух, кроличий мех — имитация куницы и горностая. Еще ниже, в ящиках или прямо на прилавках, были свалены грудями совсем дешевые изделия: вязаные перчатки и косынки, жилеты и капоры — словом, самые разнообразные зимние аксессуары кричащих расцветок, пестрые, полосатые, пятнистые, в ярко-красную крапинку. Здесь же Дениза заметила клетчатую материю по сорок пять сантимов за метр, шкурки американской норки всего по одному франку за штуку и митенки по пять су за пару. Все это напоминало гигантскую ярмарку — как будто магазин, переполненный женскими нарядами, лопнул, выбросив излишек на улицу.

Они забыли и думать о дяде Бодю. Даже малыш Пепе, не отпуская руку сестры, изумленно таращился на огромный магазин. Проезжавший экипаж заставил всех троих сойти с мостовой; они машинально свернули на улицу Нёв-Сент-Огюстен и пошли вдоль здания, то и дело застывая перед каждой витриной. Особенно их поразила одна сложная композиция из наклонных зонтиков, которые образовывали нечто вроде крыши сельской хижины; в нижней части витрины, на металлических рейках, были развешаны шелковые чулки, повторяющие своей округлой формой женские икры; одни были усеяны крошечными розовыми букетиками, другие переливались всеми цветами радуги; были здесь и черные ажурные, и красные с вышивкой, и гладкие, одноцветные, чей блестящий шелк напоминал атласную кожу блондинки; а рядом, на полках, обитых сукном, красовались, разложенные в строгой симметрии, перчатки с длинными пальцами и узкими ладонями, как у девиц на византийских фресках; от них веяло скромным девичьим изяществом, отличающим новые женские наряды.

Но окончательно их покорила последняя витрина. Это была роскошная выставка шелковых, атласных и бархатных тканей во всем переливчатом многообразии цветов и оттенков: наверху — бархат, от насыщенного черного до молочно-белого, чуть ниже — атлас, уложенный причудливыми складками, — розовый, голубой, постепенно переходящий в самые бледные, самые нежные тона; еще ниже — шелка всех цветов радуги, искусно свернутые в причудливые розетки или задрапированные так, словно они обвивают изящную женскую талию; казалось, все эти материи, эти краски оживали под искусными пальцами продавцов, и все они, точно сдержанным аккомпанементом, дополнялись воздушными, полупрозрачными кремовыми шарфами. А по обеим сторонам витрины высились рулоны двух

шелков высшего качества, под названием «Парижское счастье» и «Золотистая кожа» — на их продажу магазин приобрел монопольное право, с тем чтобы произвести революцию в мире моды.

— О, такой *фай*¹ — и всего по пять шестьдесят за метр! — изумленно прошептала Дениза, любуясь «Парижским счастьем».

Но Жану все это уже надоело. Он обратился к прохожему:

— Скажите, как пройти на улицу Мишодьер?

Тот указал улицу, первую направо, и им пришлось вернуться назад, обогнув магазин. Однако едва Дениза повернула за угол, как ее привлекла витрина, где была выставлена готовая дамская одежда. В Валони, у Корная, она работала как раз в отделе готового платья. И теперь буквально приросла к тротуару от восхищения: такой роскоши ей никогда еще не приходилось видеть. В глубине витрины длинное, широкое полотнище из брабантского, очень дорогого кружева простирало свои концы в обе стороны, словно белые с подпалиной крылья; сверху гирляндами свисали воланы алансонского кружева, а дальше снежно-белым водопадом низвергались все остальные — малинские, валансьенские, брюссельские аппликации, венецианские кружева. Рулоны сукна, словно темные колонны, обрамляли справа и слева это кружевное святилище. Но главное место в этом храме, созданном во славу женской красоты, занимали готовые женские наряды: в самом центре витрины красовалось бархатное манто, отделанное серебристой лисой; справа от него висела шелковая ронда, подбитая беличьим мехом; слева — драповое пальто с оторочкой из петушиных перьев; и наконец, пелерины из белого кашемира, подбитые такой же белой материей и украшенные одни — лебединым пухом,

¹ *Фай* — шелковая ткань.

другие — синелью. Здесь можно было выбрать одежду на любой вкус: от бальных накидок по двадцать девять франков за штуку до бархатного мантия ценой в тысячу восемьсот франков. Выпуклые бюсты манекенов туго натягивали ткань, широкие бедра подчеркивали тонкую талию, на месте отсутствующей головы красовался большой ценник, приколотый булавкой к розовой шее; зеркала, искусно расставленные по обе стороны витрины, отражали, множа до бесконечности, фигуры этих выставленных на продажу красавиц, — так и чудилось, что их череда заполонила всю улицу, щеголяя вместо голов этикетками с крупно выписанными ценами.

— Вот это шик! — пробормотал Жан, не подобравший других слов, чтобы выразить свое восхищение.

Он опять замер с разинутым ртом перед витриной. Вид всей этой роскоши, предназначенной для женщин, так возбудил его, что он даже порозовел от возбуждения. Этот юноша отличался какой-то девичьей красотой, словно украденной у сестры, — свежее лицо, золотистые кудри, влажные губы и ласковый взгляд. Рядом с братом Дениза, застывшая в изумлении перед витриной, выглядела еще более хрупкой, чем на самом деле; это впечатление создавало ее удлиненное, бледное, уже изможденное личико со слишком большим ртом, обрамленное блеклыми волосами. Пепе, пока еще белокуроый, как большинство детей, все крепче прижимался к сестре, словно тосковал по ласке, — настолько взбудоражили и восхитили его красивые дамы в витрине. Все трое — грустная девушка, хорошенький малыш и красавец-юноша — светловолосые, в бедной черной одежде, выглядели на этой парижской улице такими очаровательными и своеобразными, что прохожие с улыбкой оглядывались на них.

Вот уже несколько минут на них смотрел грузный седой человек с широким желтым лицом, стоявший на пороге лавки по другую сторону улицы. Судя по нали-

тым кровью глазам и презрительной гримасе, витрины «Дамского Счастья» приводили его в бешенство, которое только возросло при виде троицы бездельников, девушки и двух ее братьев. С чего это они млеют от восторга, будто перед фокусами ярмарочного зазывалы?!

— А что же дядя? — спохватилась вдруг Дениза.

— Вот это она и есть — улица Мишодьер, — ответил Жан. — Он должен жить где-то здесь.

Они подняли головы, огляделись. И увидели прямо перед собой, над головой грузного старика, зеленую вывеску с желтыми буквами, выцветшими от дождей: «Старый Эльбёф, сукно и фланель, Бодю, преемник Ошкорна». Здание, некогда выкрашенное красновато-коричневой, а теперь также выцветшей краской, выглядело жалкой лачугой среди величественных особняков эпохи Людовика XIV; в нем было всего три окна по фасаду, квадратных, без ставен, — каждое из них защищало всего лишь примитивная железная решетка из двух перекрещенных железных прутьев. Но Денизу, чьи глаза все еще были ослеплены сияющими витринами «Дамского Счастья», больше всего поразила в этом убожестве лавка на первом этаже, над которой виднелся низкий бельэтаж с маленькими полукруглыми оконцами. Деревянные рамы — того же бутылочно-зеленого цвета, что и вывеска, — местами почерневшие, а кое-где и порывевшие от времени, окаймляли две глубокие, как пещеры, темные и пыльные витрины, в которых едва виднелись беспорядочно сваленные штуки материи. Чудилось, будто растворенная дверь лавки ведет в какие-то сырые, мрачные погреба.

— Это здесь, — повторил Жан.

— Ну что ж, пошли, — храбро сказала Дениза. — Идем, Пепе.

Однако все трое медлили, охваченные робостью. Когда умер их отец, унесенный той же зловердной лихорадкой, которая месяцем раньше сгубила мать, дядюшка

Бодю, потрясенный этим двойным несчастьем, написал племяннице, что у него всегда найдется для нее местечко, ежели она решит попытать удачи в Париже; однако это письмо было написано почти год назад, и теперь девушка горько раскаивалась в том, что так опрометчиво покинула Валонь, даже не предупредив дядю. Он никогда не видел своих племянников, поскольку не бывал в родных краях с тех пор, как уехал, совсем молодым, в Париж и поступил там младшим приказчиком к суконщику Ошкорну, на чьей дочери спустя какое-то время женился.

— Господин Бодю? — спросила Дениза, решившись наконец обратиться к грузному старику, который все еще пристально разглядывал эту тройцу, дивясь их странному поведению.

— Он самый, — ответил старик.

И тогда девушка, покраснев до ушей, пролепетала:

— Ну слава богу!.. Я Дениза, а это Жан и Пепе... Вот мы и приехали, дядя.

Бодю был потрясен. Его заплывшие, налитые кровью глаза растерянно заморгали, он что-то несвязно забормотал. Видно было, что он никак не ожидал появления этой родни, свалившейся ему на голову.

— Как... каким образом... почему вы здесь? — растерянно повторял он. — Вы же были в Валони!.. Отчего вы не в Валони?

Девушке пришлось давать ему объяснения. Слабым, дрожащим голосом она рассказала, что после кончины отца, растратившего на свою красильню все их сбережения до последнего су, ей пришлось заменить мать этим двум мальчикам. Но того, что она зарабатывала у Корная, им не хватало даже на пропитание. Жан, конечно, работал подмастерьем у краснодеревщика, но платы не получал. Однако ему пришлось по вкусу старинные вещи, он и сам вырезал фигурки из дерева,

а однажды, когда ему попался кусочек слоновой кости, выточил из нее, забавы ради, головку, которую увидел один проезжий господин, — он-то и посоветовал им покинуть Валонь и даже приискал для Жана место в Париже у одного резчика.

— Понимаете, дядя, Жан завтра же поступит в обучение к своему новому хозяину. Тот не возьмет с него плату да еще предоставит ему жилье и стол... Вот я и подумала, что мы с Пепе уж как-нибудь выйдем из положения. В любом случае мы здесь будем не более несчастны, чем в Валони.

Дениза умолчала только об одном — о любовном приключении Жана: письма, написанные им девушке из знатной валонской семьи, поцелуи, которыми они обменивались через садовую ограду, вызвали громкий скандал, побудивший Денизу покинуть город и увезти брата в Париж, чтобы вернее приглядывать за ним. Этому веселому, красивому юнцу, которого обожали женщины, требовался неустанный материнский надзор.

Дядюшка Бодю не мог опомниться от изумления. Он снова и снова расспрашивал Денизу. И, услышав, с какой любовью она говорит о братьях, начал обращаться к ней на «ты»:

— Значит, твой отец ни гроша вам не оставил? А я-то думал, он кое-что приберег на черный день. Эх, сколько раз я ему писал и советовал не связываться с этой красивойней! У него было доброе сердце, но ума ни на грош!.. Значит, ты осталась совсем одна, с этими двумя молодцами на руках, и тебе пришлось их содержать?

Его бледное лицо оживилось, он уже не смотрел налитыми кровью глазами на фасад «Дамского Счастья». И внезапно заметил, что загораживает дверь лавки.

— Ладно, входите, раз уж приехали, — сказал он. — Все лучше, чем торчать на улице без дела да пялиться на эту мишуру.

Он еще раз окинул ненавидящим взглядом витрины магазина напротив и первым прошел в лавку, поманив за собой племянников. Затем окликнул жену и дочь:

— Элизабет, Женестьева, ну-ка, спускайтесь, у нас гости!

Дениза и ее братья с минуту поколебались, перед тем как войти в мрачную лавку. Ослепленные ярким дневным светом улицы, они теперь растерянно моргали — так человек, стоящий на краю провала, шарит ногой по полу, инстинктивно опасаясь какой-нибудь предательской ступеньки. Эта смутная боязнь сблизила их еще больше, и они теснее прижались друг к другу: ребенок уткнулся в юбку сестры, старший брат, шедший сзади, подошел к ней вплотную, и все трое продвигались вперед с тревожной улыбкой. Наружный утренний свет резко выделял их силуэты в черной траурной одежде и золотил белокурые волосы.

— Входите, входите, — приговаривал Бодю.

В нескольких словах он объяснил ситуацию госпоже Бодю и дочери. Первая, невысокая женщина, видимо, страдала малокровием: всё у нее было бесцветным — и волосы, и глаза, и губы. Женестьева, которая унаследовала от матери эту болезнь, но в еще более тяжелой форме, походила на чахлое, родившееся в полумраке растение. Однако великолепные черные волосы, густые и пышные, словно буйный лес, непонятно как выросший на бесплодной почве, придавали девушке какое-то скорбное очарование.

Денизу усадили на стул за прилавком. Пепе забрался к сестре на колени, а Жан встал рядом, прислонившись к стене. Теперь, когда их глаза постепенно привыкали к полумраку, они слегка успокоились и начали оглядывать лавку с ее низким закопченным потолком, дубовым прилавком, вытертым до блеска, и древними шкафчиками с крепкими запорами. Стопки товаров поднимались до потолочных балок. Запах сукна и краски —

удушливый, химический — усугубляла сырость, разь-едавшая пол. В глубине помещения двое приказчиков и продавщица скатывали в рулоны белую фланель.

— Я думаю, этот малыш не отказался бы от угощения? — сказала мадам Бодю, с улыбкой глядя на Пепе.

— Нет, спасибо, — поспешно сказала Дениза. — Мы выпили по чашке молока в кафе перед вокзалом. — И добавила, заметив, что Женевьева поглядывает на ее жалкий узелок, лежавший на полу: — Я оставила там наш сундучок.

Девушка покраснела: она понимала, что так приезжать не полагается. Еще в вагоне, едва их поезд покинул Валонь, она начала раскаиваться в своем решении и именно поэтому оставила багаж на вокзале и накормила обоих братьев.

— Послушай, — внезапно сказал Бодю, — давай-ка поговорим коротко и откровенно... Я тебе писал — что правда, то правда, но это было год назад, а с тех пор, видишь ли, дела наши пошли совсем скверно... О, это, конечно, временно, — продолжал он, — я уверен, что все обойдется... Но мне пришлось сократить персонал, оставив всего троих служащих, и нанять сейчас кого-то четвертого мне не по карману. Словом, я не могу взять тебя на работу, как обещал, бедная моя девочка.

Дениза слушала его, смертельно побледнев. Но дядя настойчиво повторил:

— Ни тебе, ни нам от этого не будет никакого толку.

— Да, конечно, дядя, — с трудом выговорила девушка. — Не волнуйтесь, я постараюсь как-нибудь устроиться сама.

Бодю не были жестокими людьми. Просто им всегда фатально не везло. В те времена, когда их торговля процветала, они вырастили пятерых сыновей, но трое умерли, не дожив до двадцати, четвертый плохо кончил, пошел по дурной дорожке, а пятый нанялся капитаном на какое-то судно и уплыл в Мексику. Из детей при них

осталась одна Женевьева. Все это семейство требовало огромных расходов; между тем Бодю окончательно разорился, купив в Рамбуйе, где родился его тесть, огромный дом, больше похожий на сарай. Таким образом, в душе этого маниакально честного старого торговца постепенно накапливалась едкая горечь.

— Так не годится, нужно предупреждать! — продолжал он, распаяясь от собственной жестокости. — Если бы ты мне написала, я бы сразу ответил: оставайтесь, мол, там... Ведь когда я узнал о смерти твоего отца, я, черт возьми, написал вам то, что обычно пишут в таких случаях! А ты взяла и свалилась мне на голову, не предупредив... Это крайне затруднительно!

Бодю постепенно повышал голос, изливая свое раздражение. Его жена и дочь упорно смотрели в пол, как покорные рабыни, никогда не позволяющие себе перечить хозяину. Жан побледнел, а Дениза крепко прижала к груди малыша Пепе. Из ее глаз скатились две крупных слезы.

— Не волнуйтесь, дядя, — повторила девушка. — Мы как-нибудь справимся сами.

Бодю сразу опомнился и умолк. Наступила тягостная тишина. Потом он ворчливо сказал:

— Я же не собираюсь выставлять вас за дверь... Раз уж вы здесь, то переночуете сегодня у меня — там, наверху. А завтра решим, что делать.

Тут-то мадам Бодю и Женевьева переглянулись, поняв, что все еще можно уладить. И действительно, все вопросы мигом были решены. О Жане беспокоиться не приходилось. Что же касается Пепе, то ему будет очень хорошо у мадам Гра, пожилой дамы, занимавшей просторную квартиру на первом этаже дома по улице Орти, где она содержала маленьких детей на полном пансионе за сорок франков в месяц. Дениза объявила, что уже сейчас может оплатить первый месяц. Оставалось

только пристроить ее самое. Но ей-то, уж конечно, приищут какую-нибудь работу в этом квартале.

— По-моему, Венсар искал продавщицу, — подсказала Женевьева.

— Верно! — воскликнул Бодю. — Мы наведаемся к нему сразу после обеда. Куй железо, пока горячо!

За все это время ни один покупатель не потревожил семейный совет; темная лавка по-прежнему пустовала. Лишь пара приказчиков да продавщица продолжали работать, тихонько перешептываясь. Потом явились три дамы, и Дениза ненадолго осталась одна. С тяжелым сердцем поцеловала она Пепе, грустно думая о предстоящей разлуке. Мальчик ластился к сестре, как котенок, молча уткнувшись головенкой ей в колени. Вернувшиеся мадам Бодю и Женевьева похвалили его за примерное поведение, и Дениза заверила их, что мальчик никогда не шумит и может целыми днями молчать, ему нужна только ласка. До самого обеда три женщины говорили о детях, о хозяйстве, о жизни в Париже и в провинции, обмениваясь короткими, осторожными фразами, как дальние, малознакомые родственники. А Жан стоял в дверях лавки, наблюдая за уличной суетой и улыбаясь проходившим хорошеньким девушкам.

В десять часов пришла служанка. Обычно в первую очередь стол накрывали для самого Бодю, Женевьевы и первого приказчика. Во вторую очередь ели мадам Бодю, второй приказчик и продавщица.

— К столу! — воскликнул суконщик, обернувшись к племяннице. Когда все уселись за узкий обеденный стол в комнате за лавкой, он позвал запоздавшего первого приказчика: — Коломбан!

Молодой человек извинился за промедление: он хотел закончить укладку фланели. Это был грузный малый лет двадцати пяти на вид, похоже, очень себе на

уме. Глаза на его простоватом лице с вялым ртом хитро поблескивали.

— Какого черта, на все свое время! — ответил Бодю, который, сидя на хозяйском месте, самолично разрезал кусок холодной телятины, отмеряя на глаз каждый ломтик, как истинный скопидом, с точностью до грамма.

Оделив мясом всех сидящих за столом, он сам же нарезал и хлеб. Дениза посадила Пепе рядом с собой, желая проследить, чтобы он ел аккуратно. Полутемная столовая подавляла девушку; та оглядывала ее со стесненным сердцем, привыкнув у себя в провинции к просторным, светлым комнатам. Единственное окно выходило на тесный задний дворик, сообщавшийся с улицей через узкий, темный проход; этот закуток, сырой и грязный, походил на дно колодца, куда едва проникал дневной свет. В зимнее время здесь, вероятно, с утра до вечера горел газовый рожок. А когда погода не позволяла его зажигать, зрелище, видимо, было совсем безрадостное. Дениза даже не сразу ясно разглядела ломтики мяса на своей тарелке.

— Вот уж этот молодец не жалуется на плохой аппетит! — возгласил Бодю, увидев, как быстро Жан закончил со своей телятиной. — Если он работает так же споро, как ест, из него выйдет настоящий мужчина... А ты-то почему не ешь, девочка моя?.. Ну-с, теперь мы можем спокойно поболтать, — скажи-ка мне, почему ты не вышла замуж там, в своей Валони?

Дениза отставила стакан, только-только поднесенный к губам:

— О, дядя, что вы такое говорите, как же я могла выйти замуж?! А мальчики?

Она даже рассмеялась, настолько нелепой показалась ей эта мысль. Да и кто захотел бы жениться на ней, девушке без гроша в кармане, тощей как спичка и невзрачной?! Нет, нет, никогда она не выйдет замуж, хватит и того, что ей нужно заботиться о двух братьях.

— Ну и напрасно! — упрямо возразил дядя. — Женщине без мужа не обойтись. Вот нашла бы себе какого-нибудь бравого молодца, тогда вы не очутились бы, все втроем, здесь, в Париже, и не бродили бы по улицам, как цыгане.

Тут он прервался, чтобы приступить к дележу следующего блюда — картошки с салом, которую подала служанка; он раздал ее все так же скуповато, но справедливо. Затем, указав ложкой на Женевьеву и Коломбана, объявил:

— Вот гляди: эти двое поженятся весной, коли зимний сезон пройдет благополучно.

Таков был патриархальный обычай фирмы. Ее основатель Аристид Фине отдал свою дочь Дезире за старшего приказчика Ошкорна; сам Бодю, прибывший на улицу Мишодьер с семью франками в кармане, женился на Элизабет, дочери Ошкорна, и, в свой черед, собирался отдать свою дочь Женевьеву, вместе с магазином, Коломбану, как только дела пойдут в гору. Бодю откладывал эту свадьбу уже три года, из соображений честности и чистого упрямства: поскольку ему в свое время досталась процветающая фирма, он не желал передавать ее зятю в нынешнем упадке — с поредевшей клиентурой и таявшими доходами.

А Бодю продолжал говорить, он рассказал, что Коломбан родился в Рамбуйе, как и отец мадам Бодю; более того, они состояли в каком-то дальнем родстве. Этот малый — усердный работник, уже десять лет трудится в лавке и вполне заслужил звание старшего приказчика! К тому же он не кто-нибудь, а сын ветеринара Коломбана, известного во всем департаменте Сена-и-Уаза, подлинного мастера своего дела; правда, старик такой гуляка, что ухитряется спускать все, что зарабатывает.

— Если папаша пьет и бегаёт за юбками, то сынок, слава богу, научился здесь, у нас, знать цену деньгам, — заключил он.

Пока Бодю разглагольствовал, Дениза внимательно смотрела на Коломбана и Женевьеву. За столом они сидели рядом, но держались спокойно, не переглядывались, не краснели, не улыбались друг другу. Молодой человек с первого дня работы знал, что может рассчитывать на этот брак. Он прошел все ступени своей службы — от скромного рассыльного до старшего продавца на жалованье, стал доверенным лицом и участником всех событий в семье и терпеливо вел размеренный образ жизни, считая брак с Женевьевой честно заслуженной и желанной наградой за свои труды. Уверенность в том, что девушка предназначена ему, мешала Коломбану ее желать. Да и сама Женевьева также привыкла его любить со всей серьезностью ее сдержанной натуры и глубокой страстью, которую она даже не осознавала в своем сереньком, размеренном повседневном существовании.

— О, когда люди нравятся друг другу и это дозволено... — с улыбкой сказала Дениза, желая проявить любезность.

— Верно, этим всегда и кончается, — объявил Коломбан, который до сих пор не сказал ни слова и только усердно жевал.

А Женевьева, бросив на него глубокий, пристальный взгляд, промолвила в свою очередь:

— Нужно только поладить, и тогда все идет как надо.

Их взаимная привязанность родилась в этой старой парижской лавке — чахлая, как цветочек, распустившийся в погребе. Вот уже десять лет, как Женевьева знала только Коломбана, проводила целые дни рядом с ним, среди одних и тех же рулонов сукна, в темных недрах отцовской лавки; с утра до вечера они жили здесь бок о бок, вместе ели в тесной столовой, холодной, как погреб. Даже на природе, в полях, под сенью леса, им не удалось бы скрываться надежнее, чем здесь.

И лишь сомнение или ревнивый страх могли бы подсказать девушке, что она навеки отдала себя Коломбану в этом полумраке-пособнике, усыпляющем сердце и ум.

Однако Дениза заметила во взгляде Женевьевы, устремленном на Коломбана, тень тревоги. И сказала, желая сделать приятное кухне:

— О, когда люди любят друг друга, они всегда ладят.

А Бодю между тем хозяйским взглядом окидывал стол. Он уже раздал всем ломтики сыра бри, потом в честь новоприбывших родственников приказал служанке подать еще один десерт — смородиновое варенье; Коломбана явно поразила щедрость хозяина. Пепе, который до сих пор примерно вел себя за столом, увидев варенье, оживился и забыл о приличиях. Жан, с интересом слушавший разговор о браке, пристально разглядывал кухню Женевьеву, находя ее слишком вялой, слишком бледной, и мысленно сравнивал девушку с черноухим и красноглазым белым кроликом.

— Ну, поговорили, и будет! — заключил суконщик, подав знак вставать из-за стола. — Мы себя нынче побаловали, но это не причина, чтобы забывать о делах.

Теперь за стол сели мадам Бодю, второй приказчик и продавщица. Дениза осталась в лавке; пристроившись на стуле у двери, она ждала, когда дядя поведет ее к Венсару. Пепе играл у ее ног, Жан снова занял наблюдательный пост на пороге. Около часа девушка внимательно смотрела, что происходит вокруг нее. Время от времени входили покупатели — какая-то дама, за ней еще две. А в лавке по-прежнему царил все тот же затхлый запах старины, все тот же полумрак; казалось, эти стены — воплощение старинной торговли, простодушной и добросердечной, — оплакивают собственную запущенность.

Зато по другую сторону улицы сияли витрины «Дамского Счастья», и это зрелище неодолимо притягивало

девушку, сидевшую у открытой двери. Небо заволочла влажная дымка, мелкий дождик смягчал воздух, холодный в это время года, а огромный магазин в белом дневном свете, пронизанном солнечными лучами, жил полной жизнью, торговал вовсю.

И Денизе почудилось, что перед ней гигантский механизм, работающий под высоким давлением, — механизм, чье неустанное вращение захватило все, вплоть до витрин. Это уже не были холодные утренние выставки товаров — теперь они накалялись и трепетали как живые. На них были устремлены жадные людские взгляды; женщины останавливались и теснились перед зеркалами; казалось, густой толпе покупательниц не терпится завладеть желанным товаром. Перед этой уличной страстью приобретательства как будто оживали даже сами вещи: кружева трепетали, ниспадая складками до пола и прикрывая собою недра магазина, таившие нечто загадочное; толстые штабеля суконных материй глубоко дышали, приманчиво подрагивая, а длинные манто соблазнительно изгибались на своих манекенах — одно из них, бархатное, округлялось так, будто лежало на женских плечах и вздрагивало на вздымающейся женской груди, на упругих бедрах. Но главное, от мест продажи, от прилавков, осаждаемых толпой, исходил поистине заводской жар — он явственно ощущался даже на улице. Здесь стоял мерный неумолчный гул, словно какая-то сказочная машина заворачивала теснившихся у прилавков женщин доступностью товаров, понуждала жадно расхватывать их, вела к кассам, а потом с той же бесчувственной, механической точностью направляла всю эту человеческую массу к выходу.

Дениза с самого утра боролась с желанием увидеть «Дамское Счастье» изнутри. Этот непривычно огромный магазин, куда на ее глазах за какой-нибудь час вошло больше народу, чем к Корнаю за полгода, и отпу-

гивал, и притягивал девушку, а смутный страх только усиливал искушение. И в то же время ей становилось не по себе при взгляде на дядину лавку — она испытывала какую-то необъяснимую гадливость, инстинктивное отвращение к этой сырой норе, где торговали по старинке. Все сегодняшние приключения — непрошенный приезд, кислый прием родни, унылая трапеза в темной столовой, томительное ожидание на пороге этого ветхого, богом забытого домишки — вылились в глухой протест, в страстную тягу к иной жизни, к свету. И девушка, вопреки своему доброму сердцу, невольно обращала взгляд к «Дамскому счастью», словно продавщица, живущая в ней, мечтала согреться в сияющих огнях этого грандиозного торжища.

— Вот к ним-то покупатели валом валят! — невольно вырвалось у нее.

Но она тут же пожалела о своих словах, заметив рядом с собой супругов Бодю. Мадам Бодю, уже отобедавшая, стояла бледная, устремив тусклый взор на чудовище по другую сторону улицы; она смотрела на него с немым отчаянием, заранее покоряясь судьбе. Что до Женевьевы, та с возрастающей тревогой следила за Коломбаном, который, не догадываясь об этом, восхищенно любовался продавщицами из отдела готового платья, чей прилавок был хорошо виден сквозь стекла второго этажа. Бодю с желчной усмешкой пробормотал:

— Не все то золото, что блестит. Поживем — увидим!

Понятно было, что присутствие родственников усугубило душившую его злобу, хотя самолюбие мешало ему признаться в своих чувствах перед племянниками, прибывшими нынче утром. Наконец, сделав над собой усилие, старик оторвался от созерцания бойкой торговли напротив.

— Ладно, — сказал он, — пойдем-ка к Венсару. Рабочие места нынче нарасхват, завтра уже может быть поздно.

Перед тем как уйти, он послал второго приказчика на вокзал за сундучком Денизы. А госпожа Бодю, на которую девушка оставляла Пепе, решила воспользоваться удобным моментом и сводить малыша на улицу Орти, к мадам Гра, чтобы потолковать о пансионе и договориться с ней. Жан обещал сестре никуда не уходить из лавки.

— Тут всего две минуты ходу, — пояснил Бодю, направляясь вместе с племянницей в конец улицы Гайон. — Венсар торгует одним только шелком, и дела его пока что идут неплохо. О, конечно, и у него, как у всех нас, есть затруднения, но, поскольку он чертовски хитер и скуп, ему удастся сводить концы с концами... Разве что он бросит торговать из-за своего ревматизма.

Магазин располагался на улице Нёв-де-Пти-Шан, рядом с пассажем¹ Шуазель. Это было чистенькое, светлое помещение, красиво оформленное по современным канонам, но небольшое и со скромным ассортиментом. Бодю и Дениза застали Венсара за явно важным разговором с двумя господами.

— Не беспокойтесь! — крикнул суконщик хозяину. — Мы подождем, нам не к спеху.

Из вежливости он отошел к двери и шепнул на ухо племяннице:

— Вон тот, тощий, — из «Дамского Счастья», помощник заведующего отделом шелков. А толстяк — фабрикант из Лиона.

Слушая их разговор, Дениза догадалась, что Венсар пытается сбыть свой магазин Робино, приказчику из «Дамского Счастья». С видом простака, с невинным лицом человека, которому ничего не стоит дать любую клятву, он уверял, что его магазин — золотое дно; при этом он, вопреки своему цветущему виду, то и дело стонал и жаловался на ужасные боли, якобы понуждаю-

¹ Пассаж — здесь: проход, проулок.

щие его расстаться с этим сокровищем. Однако Робино, нервный, измотанный субъект, прерывал его на каждом слове: он прекрасно знал, что кризис разоряет галантерейные магазины, и приводил в пример другую лавку, торговавшую шелком и уже разоренную соседством «Дамского Счастья». Венсар, выйдя из себя, раскричался:

— Черт подери, да этому простофиле Вабру на роду было написано разориться — все денежки растранирила его супруга! К тому же заметьте: моя лавка находится в пятистах метрах от «Дамского Счастья», а Ваброва — дверь в дверь с вами.

Тут в разговор вмешался Гожан, владелец фабрики шелков, и голоса беседующих зазвучали спокойнее. Он обвинил большие магазины в том, что они разоряют шелковое производство: три или четыре магазина уже захватили чуть ли не весь рынок и диктуют ему свои законы; он намекнул на то, что обуздать их возможно одним-единственным способом — поддерживая мелкие лавки, особенно специализированные, которым, по его мнению, принадлежит будущее. В результате он предложил Робино щедрый кредит.

— Вы только посмотрите, как с вами обошлось «Дамское Счастье»! — твердил он. — Никакой благодарности за оказанные услуги, это же просто машина для эксплуатации людей!.. Вам ведь давным-давно обещали должность заведующего отделом, а тут явился — можно сказать, с улицы — какой-то Бутмон и перехватил у вас это место!

Робино до сих пор не мог оправиться от такой несправедливости. Тем не менее он все еще медлил с решением, отговариваясь тем, что деньги принадлежат не ему, а жене, получившей в наследство шестьдесят тысяч франков. Сам он не имеет права ими распоряжаться и скорее даст отрубить себе обе руки, чем разорит ее, пустившись в сомнительную авантюру.